

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

MARION ZIMMER
BRADLEY

THE MISTS OF AVALON

«Король былого и грядущего»: пятнадцать веков артуровского мифа

Роман Мэрион Зиммер Брэдли «Туманы Авалона» занимает особое место в бесконечной череде пересказов, обработок, переосмыслений и вариаций артуровского мифа: написанный в 1983 г., он тут же вошел в список бестселлеров и с тех пор переиздается снова и снова. В этом, несомненно, заслуга талантливой писательницы — но свою роль сыграл и выбор материала. Миф о короле Артуре — явление уникальное; в европейской традиции не найдется другого такого персонажа, к которому бы авторы обращались снова и снова на протяжении вот уже пятнадцати веков. Ненний и Гальфрид Монмутский, Джеффри Чосер, Томас Мэлори и Эдмунд Спенсер, Альфред Теннисон, Чарльз А. Суинберн и Уильям Моррис, Марк Твен, Теренс Х. Уайт, Мэри Стюарт, Дж.Р.Р. Толкин, Бернард Корнуэлл... Одних только англоязычных сочинителей можно перечислять до бесконечности. Что до музыки и драмы, достаточно вспомнить три эпохальные оперы Рихарда Вагнера: «Лоэнгрин» (1850), «Тристан и Изольда» (1865) и «Парсифаль» (1882). Английский композитор Ратленд Ботон (1878 — 1960) за 35 лет написал серию из пяти опер на материале артуровского мифа: «Рождение Артура» (1909), «Круглый стол» (1915), «Лилейная дева» (1933), «Галахад» (1943) и «Авалон» (1944) — и, вдохновленный этой темой, организовал в 1914 г. первую серию Гластонберийских фестивалей (1914 — 1926) с целью превратить легендарный «Авалон» в «английский Байрёйт»¹. Гластонберийский фестиваль современного исполнительского искусства, возрожденный в 1970 г., по сей день считается одним из самых главных музыкальных событий года в Великобритании и собирает бесчисленные толпы. В начале 60-х гг. на Бродвее огромным успехом пользовался мюзикл «Каме-

---

¹ В 1872 г. Рихард Вагнер построил в Байрёйте грандиозный оперный театр специально для представления главного в его жизни произведения — «Кольца Нибелунгов». Там же проводятся Вагнеровские фестивали.

лот» Алана Джея Лернера и Фредерика Лоу; он же был экранизирован в 1967 г.; этим мюзиклом, в частности, так восхищался президент Джон Кеннеди, что его правление иногда называют «каamelотской эрой». В XX веке артуровский миф обрел новую жизнь в кинематографе: это и «Рыцари Круглого стола» (1953) режиссера Ричарда Торпа, и диснеевский мультфильм «Меч в камне» (1963), снятый по одноименному роману Т.Х. Уайта, и «Ланселот Озерный» (1974) Робера Брессона, и «Эксквалибур» (1981) Роджера Бурмана, и знаменитый «Первый рыцарь» (1995) Джерри Цукера с Шоном Коннери в главной роли, и «Меч короля Артура» (2017) Гая Ричи, и блистательная фэнтезийная кинокомедия «Монти Пайтон и Святой Грааль» (1975), в свой черед превращенная в комедийный мюзикл «Спамалот» в 2004 г., и это далеко не все. Да и «Туманы Авалона» были экранизированы как мини-сериал в 2001 г. режиссером Ули Эделем, с Джулианной Маргулис в роли Моргейны.

От оперы до мюзикла, от мультфильма до телесериала, от исторической хроники до рыцарского романа, от политической пародии до феминистской фэнтези, поэмы, эпопеи и пьесы, бесконечные пересказы, переработки, переосмысления... Чем же объясняется эта бесконечная повторяемость артуровского мифа? Многие легенды прошлого сошли на нет, а артуриана сохраняет свою популярность и по сей день — к ней обращаются все новые авторы, музыканты и режиссеры. Вероятно, самое простое объяснение вот в чем: сюжет об Артуре, многообразный и всеобъемлющий, обращен к аудитории самой разной, в нем есть все, чего только можно пожелать. Артур — могущественный и благородный король, олицетворение централизованной верховной власти, справедливой и гуманной; силой своего меча и обаянием своей личности Артур создает вокруг себя подлинный золотой век — вот превосходная ткань для политического мифа. Рядом с ним — страстная и пылкая красавица-королева Гвиневра, изменяющая королю с лучшим из его рыцарей, — многообещающая основа для любовного романа. Братство Круглого стола, отважные рыцари и прекрасные дамы предоставляют неисчерпаемый материал для увлекательных приключений. А для любителей сверхъестественного и чудесного в артуровском мифе содержится и мистика языческая, воплощенная в образе Мерлина, чародея и советника Артура, и его сестры Феи Морганы, и мистика христианская, воплощенная в Святом Граале.

Однако же не все эти элементы присутствовали в артуриане изначально: миф обрастал привычными нам подробностями постепенно, шаг за шагом. Артур не всегда был Артуром, не всегда был королем и никогда не был англичанином. А был ли он вообще?

Первое косвенное упоминание если не Артура, то событий, напрямую с Артуром связанных, относится к середине VI века и содержится в сочинении валлийского историка, монаха Гильды Премудрого (?490 — ?570), «О погибели Британии» (*De Excidio Britanniae*). В хронике отпор саксам дает военачальник Амброзий Аврелиан; имени Артура у Гильды еще нет. Жители Британии, притесняемые «жесточайшими хищниками» саксами, «собрали силы, имея своим вождем Амвросия Аврелиана, человека законопослушного, который в такой буре и потрясении остался чуть ли не один из римского племени, причем были убиты его родители, одетые, бесспорно, в пурпур <...>, — бросили вызов на битву победителям, от которых, по воле Божией, победа отступила. С этого времени побеждали то гражданае, то враги, так, чтобы в роде сем мог бы Господь испытать обычным образом нынешний Израиль, — любит ли он Его или нет; и до года осады Бадонской горы»¹. Предполагается, что битва при Бадоне (*Mons Badonicus*) явилась последней великой победой бриттов, после которой в борьбе с англосаксами они потерпели полное поражение.

В VIII—IX веках ту же историю, но с большими подробностями, изложил другой валлийский историк, монах Ненний, в своем сочинении «История бриттов» (*Historia Brittonum*). В той части, где речь идет об англосаксонском завоевании Британии, Ненний упоминает об Артуре как о военачальнике бриттов (*dux bellorum*), одержавшем двенадцать побед над германцами, причем последняя, двенадцатая битва — снова при горе Бадон (*in monte Badonis*). «В те дни сражался с ними военачальник Артур совместно с королями бриттов. Он же был главою войска. Первая битва произошла в устье реки, которая называется Глейн. Вторая, третья и четвертая, равно как и пятая, — у другой реки, носящей название Дубглас и находящейся в области Линнуис. Шестая — у реки, именуемой Бассас. Седьмая битва произошла в Целидонском лесу, иначе Кат Койт Целидон. Восьмая битва состоялась у стен замка Гвиннион, и в ней Артур носил на своих плечах изображение святой непорочной Девы Марии; в этот день язычники были обращены в бегство и по изволению Господа нашего Иисуса и святой Девы Марии, его родительницы, великое множество их здесь было истреблено. Девятая битва разразилась в Городе Легиона. Десятую битву Артур провел на берегу реки, что зовется Трибруит. Одиннадцатая была на горе, которая называется Агнед. Двенадцатая произошла на горе Бадона; в ней от руки Артура пало в один день девятьсот шестьдесят вражеских воинов, и поразил их не кто иной, как единолично Артур. Во всех упомянутых битвах он одержал верх»².

---

¹ Пер. Н. Чехонадской. Цит. по изданию: *Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды*. М.: Алетейя, 2003.

² Пер. А. С. Бобовича. Цит. по изданию: *Гильфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. М.: Наука, 1984.

В середине X века в «Анналах Камбрии», древнейших валлийских анналах, дошедших до нашего времени, появляются две хроникальные записи с упоминанием имени Артура и датировками битвы при Бадоне и битвы при Камлане (516 и 537гг.):

516 г. Битва при Бадоне, в которой Артур носил крест Господа нашего Иисуса Христа три дня и три ночи на своих плечах и бритты были победителями.

537 г. Битва при Камлане, в которой пали Артур и Медрауд¹: и была моровая язва в Британии и Ирландии².

И здесь Артур пока еще не назван королем; зато точно датированы его звездный час — битва, в которой бритты одержали решительную победу над саксами, и — его гибель. Во второй записи назван также Медрауд/Мордред, который со временем войдет в легенду как незаконный сын короля и его погубитель. Тем не менее любопытно, что при первом его появлении даже не утверждается, что Мордред с Артуром сражались друг против друга. Английская писательница Мэри Стюарт, сделавшая Мордреда одним из главных героев своей артуровской пенталогии, в послесловии сознается: «Было бы возможно — и крайне соблазнительно! — полностью переписать историю и поставить Артура — и Мордреда рядом с ним — против саксов». Впрочем, соблазн пришлось превозмочь: радикально переписывать легенду у Мэри Стюарт не поднялась рука.

Впервые Артур обретает королевский статус в XI веке, в историческом предисловии к «Житию святого Гоэзновия» (*Legenda Sancti Goeznovii*), бретонского святого VII века, епископа города Кемпера. Автор «Жития», некто Уильям из Бретани, датирует свой труд 1019 г. Рассказ о святом Гоэзновии предваряется необычным историческим экскурсом в историю Бретани и отчасти Британии: в этой вступительной части рассказывается о Вортигерне, который узурпировал британский трон и сам пригласил в страну саксов для защиты от внутреннего врага. Но «Вортигерн» в контексте V века — это не имя, а бриттский титул, *Vortigernos* — «главный вождь», «верховный король», стоящий над подвластными ему правителями. Итак, при предыдущем «Вортигерне» саксы чинили бриттам великий вред — но их гордыня была сломлена новым королем, «великим Артуром, королем бриттов» (*per magnum Arturum Britonum regem*). Итак, здесь Артур не только впервые назван королем — он еще и одерживает немало славных побед в Британии и — впервые — за ее пределами, в Галлии.

---

¹ Имена персонажей артуровского мифа передаются сообразно написанию в каждом отдельно взятом источнике: отсюда варианты Медрауд/Мордред, Гвенвифар/Геневера/ Гвиневра/Гвиневера, Ингерна/Игрейна и т.д.

² Пер. Р. Механны.

Артуровский миф как таковой впервые оформился в XII веке, а если быть совсем точными — в 1139 г., в знаменитом сочинении валлийского автора Гальфрида Монмутского «История королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*) — одном из тех великих произведений в истории литературы, на которые все ссылаются, однако мало кто читает. К тому времени римские легионы вот уже семь веков назад покинули Британию. В своей «Истории» Гальфрид задался целью правдиво изложить историю Британии от падения Трои (по Гальфриду, Брут, правнук троянского царевича Энея, после многих приключений добрался до острова Альбион и основал там королевство Британия, названное так по собственному имени) до смерти Кадвалладра, короля кельтского королевства Гвинед в VII веке. Несомненно, что Гальфрид отчасти пользовался сочинениями своих предшественников — Ненния, Гильды, Беда Достопочтенного, «некоей весьма древней книгой на языке бриттов»¹, которую ему якобы вручил «архидиакон Оксфордский Вальгер» (и в существовании которой большинство ученых сомневаются), однако буйное воображение автора преобладает над исторической правдой и меняет и преобразует немногие подлинные факты. Так, местом для любовного свидания Утера с Ингерной, будущей матерью Артура, становится «крепость Тинтаголь»; автор, несомненно, знал то, что подтвердила современная археология: на момент описанных событий Тинтагель действительно был крупнейшей значимой крепостью. Псевдohисторическое сочинение Гальфрида — не то чтобы целиком и полностью вымысел, но прихотливая смесь: в хронике перечисляются бесчисленные короли и королевы, некоторые из них действительно существовали, остальные заимствованы из кельтской мифологии или из ранних валлийских генеалогий — и всем им придан исторический статус. Книга Гальфрида — истинное проклятие историков, но благословение для литературоведов: в ней содержатся сюжеты, послужившие материалом для последующих литературных шедевров: например, повесть о короле Леире и его трех дочерях или история о Кимбелине. Но ключевую роль в хронике Гальфрида суждено было сыграть королю по имени Артур: история именно этого правителя явно занимала Гальфрида больше всех прочих. Любопытно, что в ряде документов эпохи сам автор, священник и историк, назван «Гальфрид, сын Артура»: возможно, имя Артура обладало для него некоей личностной значимостью. Именно под пером Гальфрида артуровский миф обретает ту традиционную форму, к которой будут обращаться все последующие авторы вплоть до наших дней. Гальфрид излагает предысторию — рассказывает о прибытии саксов под началом Хенгиста и Хорса, о роковом договоре с ними Вортегирна; о сра-

---

¹ Цитаты из Г. Монмутского приводятся в пер. А. С. Бобовича, по изданию: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина*. М.: Наука, 1984.

жениях принца Аврелия Амброзия, а затем его брата Утерпендрагона с саксонскими полчищами; о любви Утера и Ингерны, о волшебном посредничестве Мерлина и о чудесных обстоятельствах рождения Артура. Артур восходит на трон в юном возрасте («Отроку Артуру было пятнадцать лет, и он отличался неслыханной доблестью и такой же щедростью»), дает отпор саксам и женится на Геневере, происходившей из знатного римского рода «и превосходившей своей красотой всех женщин острова». Честолюбивый король предпринимает несколько заморских походов, подчиняет себе Норвегию, Данию и часть Галлии и, наконец, одерживает победу над Римом и римским императором Луцием Гиберием, дерзнувшим потребовать с Артура дань. Но пока Артур воевал в чужих землях, его племянник Модред узурпировал королевский венец и вступил в прелюбодейскую связь с королевой Геневерой. Артур возвращается, чтобы покарать предателя, в битве на реке Камблан сражает Мордреда, но и сам получает смертельную рану. Артура переправляют для лечения «на остров Аваллона»; корону Британии он оставляет своему родичу Константину. О дальнейшей судьбе Артура ничего более не говорится.

Для своей версии артуровского мифа уроженец Уэльса Гальфрид многое заимствует из валлийских источников: так в хрониках британских королей появляются великаны, чудовища и всевозможные чудеса. К X—XI векам, когда валлийские легенды стали записываться, в них уже фигурировал Артур как могучий полуволшебный герой и вождь, а также и главные сотоварищи Артура — «кравчий Кай и виночерпий Бедуер» у Гальфрида. Эти двое упоминаются в «Триадах острова Британия» (рукописи XIII века), валлийских трехстишиях с перечислением трех исторических или мифологических персонажей и событий: «Три Увенчанных в Битвах Мужа Острова Британии: Дристан, сын Таллуха, и Хуайль, сын Кау, и Кей, сын Кенира с Прекрасной Бородой. Но один был увенчан более, чем все эти трое: это был Бедуир, сын Бедраука»¹. Оба играют заметную роль в валлийском цикле повестей «Мабиногион», записанных в XII—XIV веках, но восходящих к гораздо более древней устной традиции. Еще один из первых поименованных соратников Артура — это валлийский Гвальхмей, Вальваний у Гальфрида, впоследствии — сэр Гавейн, племянник короля Артура и один из лучших рыцарей его двора. Валлийского происхождения и Мерлин, маг и пророк, воспитатель, советник и чудесный помощник Артура. Гальфрид, по-видимому, «сплавил» в единый образ двух или трех персонажей из разных источников. Это и знатный бритт VI века, который якобы сошел с ума, оплакивая погибших в кровопролитной битве, и бежал в Каллидонский лес, где обрел пророческий дар: шотландские источники

---

¹ Пер. С. Шкунаева. Цит. по изданию: Легенда о Тристане и Изольде. М.: Наука, 1976.

называли его Лайлокемом, а валлийские поэты — Мирджином. Это и римско-бриттский военачальник Амброзий Аурелиан. Это и молодой провидец валлийской легенды, у которого «нет и не было никогда отца», пророчествовавший перед Вортегирном и предсказавший кельтское возрождение. «Пророчества Мерлина» Гальфрид написал еще до «Истории», а затем захотел включить их в хроники британских королей; а уже после «Истории» написал «Жизнь Мерлина», слегка подправив события и даты, чтобы объединить нескольких «Мерлинов» в одного персонажа.

Уже в сочинении Гальфрида артуровский миф обретает столь приятельные черты золотого века. Разбив враждебных саксов, Артур правил двенадцать лет, «вернув нерушимый мир своему государству», приглашал «доблестнейших мужей из дальних королевств» и завел при своем дворе «такую утонченность, что внушил далеко отстоящим народам желание соперничать с ним во всем этом». Это — двор, править которым хотелось бы любому королю и принадлежать к которому любой рыцарь считал бы за честь. Под пером Гальфрида военачальник Артур превращается в монарха блистательного и непобедимого, с его образом ассоциируются долгожданный мир, справедливое правление, благоденствие и процветание (как результат и следствие нескончаемых военных походов, о которых главным образом и повествует Гальфрид). «История королей Британии» стала «бестселлером» своего времени: она сохранилась более чем в 200 списках, ею зачитывались, в нее свято верили. Гальфрид убедительно показал, что у его кельтских соотечественников, побежденных англами и саксами, славные и гордые предки — и, если верить Мерлину, блестящее будущее. Более того, именно Гальфрид открыл англичанам и французам неисчерпаемые богатства кельтской мифологии и создал некую квазиисторическую рамку, в которую эта мифология прекрасно вписывалась. В 1927 г. сэр Эдмунд Чемберс писал: «Ни одно порождение воображения, кроме разве «Энеиды», не сделало столько для созидания национального мифа». И наконец, именно Гальфрид привнес в артуриану противоречивую тему борьбы с Римской империей: никакой национальный миф не подходил настолько удачно для претензий на мировое господство. Только в XX веке роль Артура в «римской войне» была радикальным образом пересмотрена: в аллитерационной поэме Дж.Р.Р. Толкина «Гибель Артура» великий заморский поход на восток предпринят с совершенно иной целью. Артур, паладин римской Британии, воюет не с Римом, а *за* Рим: он «поплыл за море в пределы саксонские/ рубежи римские от разора спасти», защищать Римскую империю от германских язычников, что куда убедительнее вписывается в исторический контекст артуровского мифа.

Уже в «Истории» Гальфрида Артур должным образом экипирован: у него есть меч Калибурн, щит Придвен «с изображенным на нем ликом богоматери Девы Марии» и копьё Рон. Да, но где же Круглый стол? Где же храбрый рыцарь Ланселот и трагический любовный треугольник? А меч в камне? Торжественные коронационные торжества Артур повторно устраивает в Городе Легионов — в бывшем римском городе Камелот в Гвенте. А как же Камелот?

От летописной или «псевдоисторической» артуровской традиции, восходящей к «Истории» Гальфрида, отпочковался целый ряд произведений, в которых основное внимание уделено кровопролитным сражениям и войнам. Такова аллитерационная «Смерть Артура» — знаменитая поэма Аллитерационного Возрождения второй половины XIV века, длиной больше 4000 тысяч строк. Поэма почти целиком посвящена описанию битв Артура с римлянами и их союзниками; это в полном смысле слова «героический» эпос, батальная поэма — «о полях сражений и яростных схватках, об ужасах блеснувшего в глаза меча», как удачно охарактеризовал ее К. Толкин.

Император истово на Артура обрушился:
Замахнулся в забрало задним ударом!
Клинок у носа нестерпимо досаден;
Кровь короля каплет на грудь его,
Багрит блестящую броню и щит!
Король, коня кругом обернувши,
Мечом мощным метит в недруга,
Рассекает разом и грудь, и панцирь
Надвое, наискось направляя удар.
Так от оружия Артурова император сгинул¹.

Но смертью императора поэма не заканчивается; на протяжении еще многих сотен строк в ней рассказывается о новых захватнических военных походах Артура (отсутствующих даже у Гальфрида), пока, наконец, к Артуру не являются послы из Рима — они просят о мире и предлагают, чтобы папа короновал его в Риме как государя и владыку. Артур — на вершине славы, ему принадлежит Рим, он — император всей Европы. В этот момент наивысшего торжества Артуру снится недобрый сон — Колесо Фортуны, что возносит героев и монархов на вершину, но, вращаясь далее, низвергает их вниз. Этот дидактический средневековый образ как изображение судьбы человеческой гармонично вписался и в артуриану. Является гонец с известием об измене в Британии: Мордред узурпировал трон, призвал под свои знамена внешних врагов, саксов, данов и сарацин, женился на Гвиневере и за-

---

¹ Перевод стихотворных фрагментов по умолчанию выполнен автором статьи, если не указано иное.

чал ребенка. Следует новая череда кровопролитных сражений, в том числе битва на море; поэма заканчивается поединком не на жизнь, а на смерть между Артуром и изменником Мордредом и погребением Артура в Гластонбери. Войны, походы и поединки... но где же прекрасные дамы?

Привычный нам вид артуровская легенда обретает с расцветом жанра рыцарского романа в конце XII — начале XIII века. Здесь-то и возникнет и королевская столица Камелот, и рыцарское братство Круглого стола, и трагические любовные истории Ланселота и Гвиневеры и Тристана и Изольды, и, наконец, священная мистерия Святого Грааля. Авторы рыцарских романов пользовались тремя основными источниками: античным материалом (осада Трои), французским материалом (Карл Великий и его рыцари) и бриттским или британским материалом (артуриана), оказавшимся наиболее потенциальным. Но теперь бриттские предания обрели новую жизнь на французском языке. Артуровская легенда о могучем короле, который завоевал значительную часть Европы и даже Рим, стала политическим мифом потомков и преемников Вильгельма Завоевателя и ранних Плантагенетов, утверждающим идею сильной централизованной власти единого верховного короля и оправдывающим территориальные притязания. Как ни парадоксально, кельтский военачальник, сражавшийся с предками англичан, теперь становится королем Англии, и английскую монархию озаряет отблеск его славы. Эдуард I претендовал на власть над Шотландией, поскольку ею некогда владел Артур. Эдуард III мечтал возродить артуровское королевство во всем его блеске. Монархи и знатные вельможи, причем не только в Англии, устраивали свои собственные «Круглые столы», за которыми гости играли роль Артуровых рыцарей. Винчестерский Круглый стол 1300 г., впоследствии расписанный и украшенный тюдоровской розой по приказу Генриха VIII, вероятно, был создан как раз для таких празднеств. Исторические хроники и батальные поэмы с их бесконечными войнами, сражениями и битвами сменяются романной рыцарской утопией: артуровское королевство становится оплотом справедливости и чести, высоких идеалов, отваги и истинной любви.

Одним из первых примеров новой трактовки артуровского мифа становится стихотворный «Роман о Бруте» (более 14 000 строк) Роберта Васа (или просто Васа), англо-нормандского поэта XII века: в 1155 г. он переработал «Историю королей Британии» Гальфрида, но уже в новом ключе. Как явствует из названия, Вас тоже вписывает артуровскую легенду в историю Англии, начинающуюся от царевича Брута и его потомков, бриттских королей. Однако в повествовании Васа находится место не только для битв, но и для рыцарских турниров, и

пышных празднеств, и для рыцарственных, куртуазных идеалов. Именно Вас придумал Круглый стол, ставший неотъемлемым элементом артуровского мифа. Гальфрид впервые привнес в повествование идею международного рыцарства (Артур приглашает к своему двору «добрейших мужей из дальних королевств»), но стола у него еще не было. Вас «изобретает» Круглый стол из чисто практических соображений: усадив рыцарей на равные места, Артур кладет конец спорам касательно главенства и первенства. Круглый стол становится и символом равенства всех допущенных к рыцарскому братству, где король — первый среди равных; и символом братства как такового. Нет большей чести, чем завоевать право занять место за Круглым столом наряду с лучшими рыцарями двора; и право это доступно каждому в силу личных заслуг, независимо от происхождения и национальной принадлежности. Постепенно практический мотив обогащается дополнительными смыслами. В рыцарских романах Круглый стол обретает преемственность: Мерлин изготавливает его еще для Утера, отца Артура; по смерти Утера Стол достается Ледегрансу, одному из местных правителей, а Гвиневера, его дочь, став женою Артура, привозит стол в приданое. Стол Христовой Тайной Вечери, затем — стол Грааля, и Круглый стол Артура образуют своеобразную триаду, устанавливая связь между рыцарскими орденами и учениками Христа, между куртуазией и религией, между рыцарством и христианством и — подчеркивают ведущую, мессианскую роль Британской короны.

За Круглым столом соберутся персонажи, с которыми неизменно ассоциируется артуровский миф: кельтские Кэй и Бедивер, сэра Гавейн и его братья-оркнейцы, и, наконец, к ним присоединится сэра Ланселот, лучший из рыцарей мира, верный друг короля — и возлюбленный королевы. Кельтские источники Ланселота не знают; этот сюжет появляется в артуровском каноне достаточно поздно. В артуровский миф Ланселота вводит французский поэт Кретьен де Труа (1135 — 1183), автор изящных куртуазных романов, трувер при дворе графини Марии Шампанской, а после — графа Филиппа Фландрского. Из-под его пера вышло пять стихотворных романов о рыцарях Круглого стола.

Для жанра рыцарского романа в целом характерно, что роль короля Артура и его активное участие в событиях постепенно снижается: на первый план выдвигаются отдельные рыцари. Артур, как верховный арбитр справедливости, царит в Камелоте: оттуда рыцари по его воле выезжают на поиски приключений и ему же отчитываются о своих свершениях. Именно так построены романы Кретьена — «Эрек и Энида» (ок. 1170), «Клижес» (ок. 1176), «Ланселот, или Рыцарь Телеги» и «Ивейн, или Рыцарь со Львом» (1177—1181) и оставшийся неоконченным «Персеваль» (между 1181 и 1190 г.). Иное время привнесло в арту-

ровский миф и иные ценности. В XII веке в поэзии окситанских трубадуров возникает культ куртуазной любви: литературная условность, напрямую связанная с рыцарством. Идеальный рыцарь должен был быть всецело предан своей даме, поклоняться ей и чтить ее волю превыше всех иных законов. В своем служении даме рыцарь самоутверждался и совершенствовался, поднимался на новую ступень социального, эмоционального и духовного бытия. Две великие любовные истории артуровского мифа — Ланселота и Гвиневры и Тристана и Изольды, — летописной «псевдоисторической» традиции совершенно чуждые, не только отражают куртуазную традицию, но и выходят за ее пределы. Ланселот всецело покорен королевиной воле, ради Гвиневры он готов увенчать себя славой — или покрыть позором. В борьбе между вассальным долгом и любовью к даме неизбежно побеждает любовь.

Образ Ланселота Озерного и конфликт между рыцарским долгом и всеподчиняющей страстью пришлись по вкусу многим последующим поэтам и романистам, и не только французам. Этот же сюжет станет разрабатывать немецкий поэт-миннезингер Ульрих фон Цацикофен в своем романе «Ланцелет» около 1194 г.; Ланселот сыграет более или менее важную роль в «Венце» Генриха фон дем Тюрлина (ок. 1220), единственном из существующих романов, где Грааль суждено добыть Гавейну; в незавершенном французском стихотворном романе «Чудеса Ригомера» второй половины XIII века за авторством некоего Жеана и во многих других. Однако все эти обработки восходят к кретьеновскому «Рыцарю Телеги» — именно отсюда Ланселот начинает свое триумфальное шествие по страницам рыцарских романов, причем зачастую выдвигается в главные герои и оказывается в центре повествования. Именно так построена анонимная среднеанглийская строфическая поэма «Смерть Артура» (около 4000 строк) XIV века о преступной любви Ланселота и Гвиневры и трагической ссоре Ланселота с королем.

Сошлись однажды на совет
Немало доблестных вождей:
С Гавейном сэр Гахериэт,
Мордред, смутьян и лиходей.
«Нам лгать и скрытничать не след, —
Сэр Агравейн сказал. — Ей-ей,
Довольно нам хранить секрет,
Что Ланселот — прелюбодей!

Сомнений нет на этот счет:
Артур нам дядя как-никак!
Спит с королевой Ланселот —
Он королю бесспорный враг.